

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

● С.А. Калабалин ● Г.К. Калабалина ● педагогика Макаренко ● детский коллектив ● воспитание ● детский дом

К 110-летию со дня рождения Семёна Афанасьевича Калабалина

Уроки Калабалиных¹

Дмитрий Павлович Барсков,

воспитанник Клемёновского детского дома 1962 – 1965 годов, член Союза краеведов России, член Союза писателей России, кандидат технических наук

Спортивные приоритеты

Каждое утро в детском доме начиналось с физической зарядки. Через несколько минут после подъёма по сигналу «судейским свистком» Семёна Афанасьевича на территорию возле спального корпуса высыпали все воспитанники независимо от возраста и пола. Семён Афанасьевич проводил физзарядку сам, а в своё отсутствие поручал её проведение дежурному воспитателю либо кому-нибудь из наиболее спортивно подготовленных старших воспитанников. Десятиминутная зарядка переходила в пробежку вдоль забора по периметру двора. Зимой, в период сильных морозов, ребята дружной толпой на короткое время выбегали на улицу (мальши и девчонки оставались в корпусе) и буквально через минуту-другую «погружения в мороз» устремлялись внутрь здания. От этого во входных дверях начиналось столпотворение, поэтому не успевшие выбежать на морозную улицу сразу же заворачивали обратно. Заниматься зарядкой в спальном корпусе было негде — на свободной площади коридоров не могла разместиться и треть воспитанников. Однако обливание холодной водой (горячей не было и в помине), а затем обтирание сухим полотенцем до появления на теле «розового загара» было обязательным занятием. Для вновь прибывших ребят эта утренняя процедура поначалу казалась диковинной и не вызывала восторга, впрочем, к ней довольно быстро привыкали даже самые «изнеженные» новички. Такой открытый способ закаливания шёл на пользу нашим растущим организмам. Простудные заболевания детдомовцев посещали редко, в основном, болели в период «разгула» эпидемии гриппа.

¹ Продолжение. Начало см.: Социальная педагогика. 2013. № 5.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

Иван Гуров (воспитанник детского дома 1958 — 1965 годов, бригадир, орденосец):

Физическая культура и спорт являлись важнейшими составляющими воспитательного процесса, которым Семён Афанасьевич уделял первостепенное внимание. Следует подчеркнуть, что полноценных условий (в современном понимании) для всесторонних занятий спортивными дисциплинами в детском доме было всё-таки мало (до прихода Семёна Афанасьевича они совсем отсутствовали). Спортивного зала в детдоме не было, спортивный инвентарь имелся в ограниченных количествах — лыж и коньков на всех не хватало, спортивные форма и обувь практически отсутствовали. И вот в этих поистине спартанских условиях, воспитанники детского дома не просто занимались спортом, а занимали призовые места на массовых соревнованиях. Авторитет физической культуры был поднят Семёном Афанасьевичем за годы его работы в Клемёновском детском доме на недосягаемую высоту. Он при полном отсутствии штатных тренеров или профессиональных спортивных наставников сумел привить своим питомцам любовь к занятиям спортом. Особенно культивировались лёгкая атлетика, лыжи, спортивные игры, футбол и шахматы. Впрочем, об этом весьма содержательно рассказывал в своей статье «Быть педагогом...» (журнал «Социальная педагогика». 2010. № 5. С. 83—87) один из самых выдающихся представителей детдомовской «спортивной когорты» — Саша Прокофичев. «Спорт ещё со времён пребывания в детском доме занял важнейшее место в моей жизни. Любовь к физической культуре старательно прививал нам Семён Афанасьевич — в этом его огромная заслуга. Мне удалось преуспеть в лёгкой атлетике — «стометровка» стала моей коронной дистанцией. На областных детдомовских спартакиадах у меня не было конкурентов — её пробегал за 11,8-12,0 секунд. Тренировался на нашем футбольном поле — самостоятельно отработывал стартовые рывки и ускорения. На соревнованиях ядро толкал далеко за 11 метров, а в длину прыгал на 5 м 25 см. Принимал участие в трёх спартакиадах: в Балашихе (1963), Красной Пахре (1964) и Ногинске (1965), и на всех становился чемпионом в беге на 100 м. Будучи в детдоме, играл за футбольную команду Клемёновской прядильно-ткацкой фабрики «Красный Октябрь». Играл я в качестве правого крайнего защитника и был, по всеобщему признанию, «непроходимым». Местная футбольная команда с нашим участием никогда не проигрывала соперникам. Позднее я продолжал играть в футбол и выступал в сборных командах нашего комбината и Мытищинский район. Особенно меня привлекал гиревой спорт. После детского дома продолжал заниматься им в армии, а потом во время спортивных праздников участвовал в показательных состязаниях: гирю 24 кг без труда выжимал 25 раз одной правой, а двухпудовую — «брал на бицепс» раз 17-18: всех «конкурентов только так делал». Не обходилось и без травм — в футболе мне повредили связки колена левой ноги...»

Галина Константиновна — уроки нравственности

Пожалуй, самой главной стороной жизни Калабалиных была их открытость. Все главные события в жизни семьи Семёна Афанасьевича и Гали-

Д.П. Барсков. Уроки Калабалиных

ны Константиновны становились известными из их же уст. Детдомовцы всегда были первыми свидетелями как радостей, так и горестей. В этом заключался огромный нравственный урок для воспитанников — Калабалины жили рядом и от нас не отгораживались. В своей педагогической практике у них сохранилась традиция А.С. Макаренко, согласно которой мы, воспитанники, являлись для Семёна Афанасьевича и Галины Константиновны одной большой семьёй. Вклад Галины Константиновны в становление и развитие этой традиции в «клемёновских условиях» был неопределим.

На работе коллектива воспитателей в нашем детском доме сказывалось неоспоримое влияние высоконравственных качеств личности Галины Константиновны. Между собой мы, старшие воспитанники, называли её уважительно — Галина. Её доброжелательность, интеллигентность, образованность и богатейший опыт педагога-воспитателя как нельзя лучше способствовали созданию в детском доме атмосферы дружелюбия, сплочённости, тесного взаимодействия воспитателей, студентов Сводного отряда из числа энтузиастов московских институтов — авиационного и педагогических, шефов из женсовета Военно-инженерной академии и Егорьевского станкостроительного завода.

На протяжении всех трёх лет пребывания автора в Клемёновском детском доме Галина Константиновна была воспитательницей нашей I группы. Вместе с ней в паре работала Клавдия Павловна Михеева (Голубева). Им порой бывало нелегко: старшеклассники были молодыми людьми со сложившимися, порой очень трудными характерами. У каждого из нас формировались индивидуальные взгляды на жизнь, были свои наклонности, привычки, интересы. В группе воспитывались одновременно юноши и девушки 16 — 18 лет, но рядом были ещё и наши подопечные — ученики младших классов, над которыми шефствовали повзрослевшие наставники.

Галина Константиновна старалась к каждому из нас подобрать «свой ключик», т.е. имела индивидуальный подход, не отдавая при этом кому-либо предпочтения. Со всеми она без проблем находила общую тему для беседы или откровенного разговора — замкнутых, отчуждённых воспитанников для неё просто не существовало:

«В детские дома поступают дети из разной среды, с разнообразными характерами и особенностями. Перед педагогами стоит сложная и ответственная задача — заложить фундамент человеческой души, воспитать в ребёнке нравственные качества. Работа эта кропотливая, требующая большого напряжения, упорного труда, терпения. Знать воспитанника только «на сегодня» мало, надо знать его и «на завтра», чтобы совершенствовать его характер, проектировать его будущее, помочь ему найти цель и идти к ней. Очень важно, чтобы сам воспитатель был разносторонне развитым человеком, постоянно ищущим, растущим, глубоко убеждённым в правильности своих действий и взглядов, со всем, что преподносит воспитуемый, работающим творчески, с огоньком. Чтобы жил он интересами коллектива, переживал бы их, как свои личные интересы, всегда и во всём был бы примером для воспитанников...»

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

Очень сложная — работа с ребятами старших классов, где воспитатель должен быть, образно говоря, дирижёром сложного оркестра. Здесь особенно важен его личный пример, взаимное уважение и доверие между воспитателем и детьми, умение искренне, по-настоящему жить интересами своих питомцев. Работа воспитателя будет эффективной только в том случае, если сам воспитатель полон творческих замыслов, работает с большим желанием. Только такой труд может принести радость и удовлетворение, заразить энтузиазмом ребят». (Из книги В.В. Морозова «Воспитательная педагогика Антона Макаренко. Опыт преемственности». Москва — Егорьевск, 2008. С. 156 — 157.)

В своей статье «Детский дом на асфальте не построишь» сын Семёна Афанасьевича и Галины Константиновны **Антон Семёнович Калабалин** касаясь роли и значения личности воспитателя, писал:

«Мама... Работая воспитателем в детском доме, Галина Константиновна просиживала вечера и ночи за разными школьными учебниками: она считала, что должна быть готовой в любой момент помочь каждому воспитаннику хоть по математике, хоть по русскому языку. В колонии для несовершеннолетних правонарушителей, где работал отец, она старалась узнать, чем интересуются мальчишки. Узнав, что они страстно увлекаются футболом, Галина Константиновна изучила биографии и послужной список всех звёзд футбола, и когда ребята собирались у радиоприёмника, комментировала матчи, забитые голы. Поэтому-то всегда, где бы эта женщина ни работала, она пользовалась авторитетом у детей. Роль статиста для воспитателя унизительна; он должен жить жизнью ребят». (Детский дом: уроки прошлого / сост. Г.Л. Мельникова. М., 1990. С. 109 — 117).

Не припомню случая, чтобы Галина Константиновна делала внушения или «читала нотации» провинившемуся. Её возмущение совершившему проступок выражалось в форме неподдельного вопрошающего удивления: почему это могло произойти и какие причины тому способствовали. Как правило, оценить случившееся при коллективном обсуждении она просила кого-либо из воспитанников. При этом её выбор был целенаправленным — как тонкий психолог Галина Константиновна до мельчайших подробностей знала «ребячьи души» (через её руки их прошло несколько тысяч!) и, образно говоря, видела каждого из нас насквозь. Вспоминается случай, когда десятиклассник Петров втихомолку совершил что-то неблагоприятное, а я был свидетелем этого, но промолчал... Так вот, именно ко мне (полагаю, что совсем не случайно) обратилась Галина Константиновна с предложением дать оценку проступку нашего товарища: «Дима! А как Вы считаете, мог ли Петров поступить иначе в этой ситуации?». Приходилось говорить начистоту, отбрасывая ложную солидарность, и при этом десять раз проклинать себя за «раздвоение души». Лукавить и лицемерить перед коллективом было невозможно, а обманывать Галину Константиновну — недопустимо. Но нравственные критерии здесь брали вверх. Из череды мероприятий, организованных и проведённых Галиной Константиновной для повышения нашего общего культурно-образовательно-

Д.П. Барсков. Уроки Калабалиных

го уровня, навсегда остались в памяти музыкальные и литературно-художественные вечера, приуроченные к юбилейным датам композиторов, писателей и художников. Галина Константиновна много знала и рассказывала об их жизни и творчестве как хорошо подготовленный лектор.

Андрей Николаевич Мешков (воспитанник детского дома 1968 – 1970 гг, учитель), отрывок из очерка «Быть впереди» (сборник «Воспоминания о Калабалиных». Подольск, 1992):

Семён Афанасьевич любил смелых и сильных ребят. Будучи внештатным инспектором милиции, ему часто приходилось вмешиваться в будничную жизнь односельчан. Я часто наблюдаю, как к нему в кабинет или домой приходили люди со своими горестями и заботами. И он всегда помогал. Мы привыкли к таким эпизодам нашей жизни: идут вечерние рапорта, командиры отчитываются за день, и тут влетает какая-нибудь соседка, вся испуганная и заплаканная. Подбегает к столу и плачущим голосом повествует о том, что её муж, напившись крепко, проявляет чересчур «буйственную любовь» к домашним вещам, а попросту, берёт в руки топор и давай всё уничтожать. Часто прибегали за помощью женщины, уже изрядно опухшие от кулаков мужей. В таких случаях Семён Афанасьевич поручал председателю Совета командиров принимать рапорта, зачитывать приказ на следующий день, а сам направлялся утихомиривать пьяницу. Обычно дело заканчивалось слёзными просьбами провинившегося простить его и заверениями, что он никогда больше не посмеет напиться, как свинья. Воздействовал Семён Афанасьевич на людей по-разному. Одним было достаточно лишь вида его, и они становились трезвыми, с другими нужно было поговорить, а третьим — силой доказать всю пошлость их поведения. Незадолго до своей смерти он дал мне почитать книгу записей, куда заносил все происшествия в Клемёново, которые ему пришлось разбираться...

Семён Афанасьевич никогда не скрывал своего отношения к воспитанникам. Не помню случая, когда он не любил или ни во что не ставил кого-то из детдомовцев. Интуиция обычно не обманывала его. Семён Афанасьевич мог и похвалить и отругать одного и того же воспитанника, если он заслуживал. Калабалины были одинаково строги и требовательны ко всем и не шли на компромисс, если это вредило воспитаннику. Те, кто нарушал дисциплину в детдоме, как огня боялись Семёна Афанасьевича. Из его кабинета нарушитель обычно выходил бледный и потрясённый. А надо сказать, что наши ребята были «не робкого десятка», они могли «из-под самого носа» конюхов угнать колхозных лошадей и всю ночь кататься на них, ничуть не боясь, что при поимке пьяные мужики их могли просто-напросто искалечить. И вот эти же ребята с замиранием входили в кабинет к Семёну Афанасьевичу давать объяснения и получать наказания. Впрочем, зачастую Семён Афанасьевич перепоручал самим ребятам установить степень виновности нарушителя и определить меру наказания... Мы любили Семёна Афанасьевича и ревновали его друг к другу. Нам иногда казалось, что у него есть «любимчики». И мы здорово ошибались. Случай, произошедший вскоре, помог нам исправить эту ошибку. Как-то один

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

из такого рода «любимчиков» Н. стащил деньги у своего товарища по отряду и при этом пытался обвинить в содеяном грубого воспитанника. Ребята были так возбуждены этим делом, что немедленно устроили бы злоумышленнику «тёмную», если бы тот не сбежал под защиту Семёна Афанасьевича. Однако когда ребята на фактах доказали его виновность, наш Семен строго его наказал. Семён Афанасьевич не терпел трусов и ворюшек, и за это его уважали и любили воспитанники.

Неотвратимость наказания для правонарушителей

Методы реализации краеугольного воспитательного принципа «неотвратимости наказания» Семёна Афанасьевича Калабалина имели весьма разнообразный характер. Основными среди них были гласность и коллективное обсуждение поведения провинившегося, а затем и всеобщее осуждение переступившего черту дозволенного. Общеизвестно, что на перевоспитание к Калабалину присылали очень трудных ребят (кстати, девочек тоже!), от которых отказывались педагоги в других детских учреждениях. Такой контингент в Клемёновском детском доме в отдельные годы (в период моего пребывания в его стенах) составлял более трети (30%) от общего числа воспитанников. А в начальный период деятельности С.А. Калабалина на посту директора этот количественный показатель «неблагополучных детей» был ещё выше.

Весьма показательной является дневниковая запись Семёна Афанасьевича от 20/VII 59 года:

Как-то чертовски тяжело работается: устаю, дети — часть ведут себя отвратительно. Им явно во вред беспрецедентная забота о них, сознание беспомощности воспитателей в методах и правах воздействия за преступления. Малые проступки, шалость детская получают гостачное возмездие в допустимых мерах, а преступления остаются без всякой компенсации. За систематические хищения, воровской промысел, злостное нарушение закона общежития мало внушений, бесед, выговоров. Нужны меры насилия, принуждения и даже страх. Ведь всякая мера не только для того, чтобы просто механически отреагировать на проступок — она ещё и прежде всего для того, чтобы предупреждать проступки на будущее, чтобы хотя бы и сознанием страха перед могущим быть наказанием убить побуждение, стремление совершать проступки — закреплять положительное.

Меры воздействия на отдельных воспитанников за деяния преступного характера давали положительный эффект. И эффект этот распространялся не только на наказываемых, но и на остальных — не следует переступать черту недозволенного, караемого законом! Поэтому Семёна детдомовцы одновременно и уважали за справедливость, и откровенно побаивались. Отъявленные нарушители дисциплины и закоренелые представители «воровского промысла» всегда чувствовали над собой карающую руку возмездия. Оно являлось неотвратимым, ибо Семён Афанась-

Д.П. Барсков. Уроки Калабалиных

евич был проницательным педагогом и тонким психологом, знатоком ребячьих душ — ни один проступок не проходил без последствий. Все остальные, у кого «совесть была чиста», смотрели Семену в глаза открыто и безо всякой боязни. В контексте с темой наказания перекликается письмо С.А. Калабалина учительнице одной из школ Нижнего Новгорода (в то время назывался — Горький) Манефе Ильиничне Якуничевой:

Если бы дети знали, что они наказуемы, и знали бы, что учитель имеет право наказывать. Что, наконец, гуманнее, педагогичнее — наказать его сегодня — сурово наказать мерой человеческой — дедовской, умно, по-макаренковски или — как-бы чего не вышло, словоблудием внушаем, а через год — два — пять он будет сидеть на скамье уголовников, а мы — свидетели, а иногда и жертвы. Система Макаренко. Если она полезна-боевая для «колоний, трудных», то как же незаменима-предупредительна для «нормальных» в школе. Система Макаренко. Это — сам он как человек: его трудовая страсть, его риск, его свобода педагогических действий, его не слепая любовь к детям, а требовательная любовь к Человеку, знание дела и совершенствование знаний, его патриотизм, его общественная деятельность, его уверенность в правоте мер, его нравственная чистота, отсутствие в нём признаков педагога — служащего с пяти-семичасовым рабочим днём. Он говорил, что мы — его воспитанники — должны жить так, как он учит и как живёт сам. Это противно тому парадоксу, который высказывал Л.Н. Толстой: «Живите так, как я вас учу, но не так, как живу я сам». Мне кажется, что нас должно трясти, сердца должны пламенеть от стыда и тревоги даже от одного недоброго случая на область, а у нас в каждой школе есть букеты, от которых исходит зловоние, отравляющее вся и всех.

Деятельность Сводного студенческого отряда в Клемёнове

История создания Сводного пионерского отряда (СПО) и его деятельности в Клемёновском детском доме, воспитательная роль этого коллектива и формы воздействия на него педагогов Калабалиных — это чрезвычайно интересные и поучительные рассказы его членов через призму своего жизненного и профессионального опыта.

Студенты педагогических вузов страны в то время проходили обязательную практику в общеобразовательных школах, детских домах и школах-интернатах, но при этом они не становились носителями коллективного действия, а вливались в существующие контингенты воспитателей этих детских учреждений.

Принципиальным отличием деятельности студентов в условиях Клемёновского детского дома являлось то, что СПО стал полноправным членом ребячьего коллектива и влился в его организационную структуру. Именно поэтому «сводновцы» легко растворялись среди массы детдомовцев, и у них не возникали барьеры во взаимоотношениях с детьми.

Истоки сводного студенческого отряда восходят к традициям выпускников-рабфаковцев (а затем и студентов) колонии им. Горького, когда вчерашние колонисты по-прежнему входили в состав дополнительной орга-

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

низационной структуры, утверждённой на Совете командиров и одобренной Антоном Семёновичем Макаренко. Весьма ценными представляются свидетельства непосредственных участников СПО, который был создан в Клемёновском детском доме на макаренковских принципах и действовал на протяжении почти двух десятилетий по правилу преемственности поколений: уходили в большую жизнь одни выпускники вузов, а на их место заступала другая смена — новые первокурсники, которые приумножали традиции, заложенные старшими «сводновцами».

Период деятельности СПО в Клемёновском детском доме можно разделить на два этапа:

— I этап (1957 — 1961), когда в детский дом ездили студенты МАИ, МОПИ и МГПИ первого состава;

— II этап (с 1962-го), когда в детский дом с Н.А. Морозовой приезжали «маёвцы» и «педагоги» второго состава, а также члены Сводного комсомольского отряда (СКО) московских школьников во главе с Андреем Лекмановым и под руководством учителя физики 717-й московской школы (члена СПО первого состава) Н.С. Кутуковой.

Валентина Максакова (выпускница МОПИ им. Н.К. Крупской, кандидат педагогических наук, доцент):

Включая в жизнь своих воспитанников разных людей, Семён Афанасьевич Калабалин умело управлял их контактами, извлекая из взаимодействия детского дома с шефами и грузьями максимум педагогической пользы. Наиболее наглядно это проявлялось в его общении со студентами. Из разрозненных групп представителей МАИ и двух педагогических (МГПИ и МОПИ) институтов Москвы, которые время от времени приезжали в детский дом с благотворительными целями (дать концерт, привезти подарки, поиграть с ребятами), он создал в 1958 году единый коллектив. (Пионеры макаренковедения. М.: АПН СССР, НИИ теории и методов воспитания, 1991. С. 41–49.)

Было, конечно, всякое: Семён Афанасьевич мог быть и грозным, и отчуждённым, и, как нам казалось, не очень справедливым, а не только «своим парнем», но в целом мы были правы тогда в своих первых ощущениях, впечатлениях о нём. С каким глубоким уважением и восхищением смотрели мы на Галину Константиновну! Всегда внимательная, доброжелательная, спокойная, со вкусом одетая, она была для нас образцом во всём.

Ошеломляющая бедность детского дома, где работали такие замечательные педагоги, известные люди, скромность быта самих Калабалиных, наши собственные скованность, стеснительность и неумение общаться с незнакомыми детьми — всё перекрывалось улыбкой Семена Афанасьевича. Создавалось стойкое ощущение праздника, желание снова и снова видеть и слышать его, снова и снова испытать радость встречи с Галиной Константиновной, снова и снова раствориться в жизни детдомовцев.

Вначале мы ездили в детский дом небольшой группой по 2–3 раза в месяц. Затем нас становилось всё больше. В нашу группу вошли уже студенты

Д.П. Барсков. Уроки Калабалиных

четырёх московских вузов — МОПИ им. Н.К. Крупской, Московского городского педагогического института им. Потёмкина, Московского государственного пединститута им. В.И. Ленина и Московского авиационного института им. С. Орджоникидзе. Бывало так, что приезжали по 30 человек! Но был «костяк», из которого был создан Сводный пионерский отряд, командиром которого стал Миша Ландо из МАИ.

С тех пор, как нам повязали пионерские галстуки, мы носили их всегда уже по дороге в детдом, а не только в Клемёново. Помнится, например, как удивлённо оглядывали жители Егорьевска группу взрослых людей в пионерских галстуках, идущих по городу с песнями поздним вечером.

СПО всегда стоял в общем, торжественном или рабочем строю с воспитанниками: командир сдал рапорт директору детского дома С.А. Калабалину, отряд получал наряды на работу и другие поручения, отчитывался о сделанном, получал благодарности и т.п. И всегда в одном строю с нами, наряду с «пионерами», стояли и студенты без галстуков. Если в отряде появлялись новые лица, уже проявившие интерес к нашему делу, они принимались на общей линейке в наш Сводный пионерский отряд. Им повязывали пионерские галстуки, которыми мы все очень гордились и берегли как святыню. С нами бывал в детском доме Борис Пастухов — сначала секретарь комсомола МВТУ, потом — Бауманского районного комитета Москвы, а затем — первый секретарь ЦК ВЛКСМ СССР. Он помогал нам добывать материальные средства и давал разрешение продовать билеты на концерты, которые мы проводили для жителей Бауманского района, договаривался с бауманским Дворцом пионеров, в роскошном зале которого мы выступали с концертами и пр. Деньги за концерты, безусловно, расходовались на нужды детдома.

Встречаясь с нами, С.А. Калабалин говорил: «Вы нам очень нужны. Делайте то, что умеете делать сами». Мы несли воспитанникам своё тепло, свою любовь, и они чувствовали это, отвечали нам тем же. Они ждали нас, готовились к встрече с нами. Мы устраивали праздники 7 Ноября, Нового года, 8 Марта, 1 Мая, Дня Победы. У нас были замечательные дни рождения, когда за праздничными столами сидели именинники, родившиеся в течение какого-либо одного месяца, и каждого из них поздравляли, дарили подарки.

Пётр Тумеля (доцент МАИ, кандидат технических наук):

В поездку в Клемёновский детдом Семёна Афанасьевича Калабалина меня позвал в 1958 году Миша Ландо, командир Сводного отряда студентов двух педагогических институтов и МАИ. Разумеется, я не мог не знать о книжно-киношном Семёне Карабанове. Тем интереснее была возможность встретиться с ним вживую. Первая встреча с Семёном Афанасьевичем и последующее общение в течение трёх лет с ним и его неизменной спутницей Галиной Константиновной показали, насколько интересен может быть талантливый человек, который делает свою работу воспитателя по призванию.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

Приезда студентов детдомовцы ждали всегда. Радость встречи была взаимной. Мы растворялись среди ребят. Да, мы были старше, намного больше знали, что-то больше умели. Но между нами и воспитанниками никаких барьеров не было. Многие из них, глядя на нас, мечтали и стали студентами вузов. Так, пятеро ребят поступили в МАИ и успешно закончили его. Я не помню случая, чтобы по приезду студентов Семён Афанасьевич не встретил нас, обычно в окружении ребят, командиров отрядов: шло обсуждение планов повседневной жизни. Жизнь детдомовского организма не всегда симфония. И потому Семён Афанасьевич мог быть любым — озабоченным, расстроенным и даже угрюмым, но никогда — в унынии. С учётом нашего приезда планы корректировались, изменялось самочувствие.

Как-то раз, в начале зимы, мы приехали поздно. Семён Афанасьевич встретил нас очень озабоченным. Морозно, пурга, а во дворе не закрыта траншея с водопроводными трубами. Если её не закрыть, может случиться беда. Хотя и трудно, но ребят надо поднять, и сделать это можете только вы. В спальне мы бросили ключ: трубопровод в опасности! Отклик был единодушным. А разве могло быть иначе — ведь студенты приехали! Через полчаса энтузиазма лопатами и прочими подручными средствами траншея была засыпана, опасность разрыва труб миновала. Ликование было всеобщим, радость от сделанного абсолютной. А наутро интересная и разнообразная жизнь продолжалась.

У Семёна Афанасьевича была мечта — создать центр по распространению опыта воспитания трудных детей. Основные принципы построения таких центров и их жизнедеятельности в нашей стране известны, а воспитаннику Макаренко — Семёну Карабанову — из первых рук. Обращение к верховным властям с предложением и за помощью было безуспешным. Было решено сделать ещё одну попытку через Бориса Николаевича Пастухова, тогда первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Пастухов был знаком с Семёном Афанасьевичем — в своё время он приезжал в детдом со студентами Бауманского института. Семён Афанасьевич вручил мне письмо со своим предложением и необходимыми обоснованиями для передачи Пастухову. При встрече Пастухов обещал направить письмо по инстанциям, однако по ходу обсуждения выявилась незаинтересованность в этом деле: слишком хлопотно, слишком затратно и вообще практически безнадежно. Результат нулевой, мечта оказалась несбыточной. Необходимость создания подобных Центров представляется актуальной и сейчас — и особенно сейчас, когда в стране по меньшей мере миллион беспризорников. Попытки пристроить детей в семьи не решают проблемы, так как даже по официальным данным такой путь поглощает не более 12 % беспризорников. Из спецдетдома, в котором я воспитывался, за 25 лет его функционирования было выпущено 450 воспитанников, ставших рабочими, техниками, инженерами. Пропали только трое. С выпускниками Клемёновского детдома положение ещё более благополучно.

Д.П. Барсков. Уроки Калабалиных

Андрей Лекманов (выпускник 2-го Московского медицинского института, доктор медицинских наук, профессор):

Два события моей ранней юности навсегда определили мою будущую судьбу. Одно из них — это приход в нашу 717-ю московскую школу Нины Сергеевны Кутуковой. А другое — это Клемёновский детский дом. Именно они определили не только мою юность, сделали её радостной и звонкой, но и всю мою последующую жизнь. Так и стала для меня «педагогика» увлечением на все мои времена. И где бы я потом ни был — а после этого были: Клуб юных коммунаров (КЮК), Всероссийский пионерский лагерь «Орлёнок», пионерский лагерь «Маяк», детские деревни SOS, — везде память о Нине Сергеевне и Клемёновском детдоме определяли для меня выбранный путь. С таким ощущением я жил и продолжаю жить. Вот почему за эти встречи с Ниной Сергеевной Кутуковой и Клемёновским детдомом мне «вовек не сквитаться с судьбою».

Клемёновский детский дом тогда меня и моих товарищей не поразило чем-то необычным. Жили мы все тогда достаточно скромно, так что убогость клемёновских строений нам таковой не показалась. Столовая в подвале, удобства во дворе, многоместные спальни, простая еда — ничего страшного в этом мы не видели. Только много позднее, когда я уже побывал во многих детских домах в Москве, в Подмосковье и в других городах, я понял, насколько Клемёновский детдом отличался от других. Да, другие детдома были и богаче, некоторые даже роскошнее, и добираться туда было не на край света. Но нигде я не видел такой атмосферы, как в Клемёнове. Сегодня, спустя многие годы, я могу сказать, что это атмосфера демократизма, заботы и творчества. И, конечно, всё это благодаря Семёну Афанасьевичу и Галине Константиновне Калабалиным. Насколько разные и настолько же одинаковые. Семён Афанасьевич — яркий, темпераментный, артистичный, блестящий оратор. Когда он рассказывал, то его слушали, раскрыв рот не только детдомовцы, но и все взрослые. И рядом красивая, спокойная, я бы сказал, какая-то уютная Галина Константиновна.

В чём же демократизм и забота? Прежде всего, в том, что Семён Афанасьевич и Галина Константиновна всё делили вместе с ребятами. Всё начинается с простого: мне много раз приходилось видеть, как в других детских учреждениях (детдомах, пионерлагерях, домах ребёнка) педагоги жили своей отдельной жизнью, ели не так и не то, что дети, забывали о них, когда заканчивалось рабочее время и т.д. А Калабалины жили жизнью ребят. И это было настолько естественно, что тогда я этого просто не понимал и не ценил. А творчество! Четыре года я по несколько раз в месяц бывал в Клемёнове и каждый раз там бывало что-то новое, интересное и для ребят и для нас, приезжающих. Большую помощь в организации творчества, конечно же, оказывали приезжающие студенты и, по мере сил, мы школьники. Надо сказать, что сам Семён Афанасьевич хорошо это понимал, ведь именно он поехал в гости к московским студентам и сгитировал их стать старшими грузьями Клемёновского детского дома. Жизнь нашего Сводного отряда полностью перевернула нашу жизнь.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

В Клемёново мы ехали за радостью! Мы обсуждали вместе с ребятами из детдома не только их, но и наши проблемы, участвовали в организации праздников, несколько раз проводили спартакиады, КВН. Но, пожалуй, главным было неформальное общение с ребятами. Нина Сергеевна задавала в нашем отряде такой тон, что было невозможно представить себе что-то нечистое, пошлое. А ведь нам было уже по 16–17 лет. Как часто я потом наблюдал, как менялись отношения между юношами и девушками в коллективах, когда они были без взрослых. У нас же об этом не могло быть и речи, просто не могло. И это всё наша Нина Сергеевна...

Воспитание жизнью

Во время проведения обязательных вечерних рапортов Семён Афанасьевич Калабалин в качестве поучительных примеров рассказывал всему коллективу детдомовцев про горьковцев — героев «Педагогической поэмы», отдельные факты своей фронтальной биографии. Эти рассказы Семён Афанасьевич приурочивал к рассмотрению конкретных случаев из нашей детдомовской жизни. Он каждый раз сопровождал их коллективное обсуждение такими примерами, которые несли в себе глубокий подтекст и становились предметом аналитической самооценки. При этом они имели характер неповторимых театрально-образных и весьма эмоциональных повествований. Рассказы Семёна Афанасьевича не становились для нас «весёлой или страшной сказкой перед сном», а являлись примерами стойкости и мужества. Не поверить в достоверность этих повествований было невозможно. Семён Афанасьевич был у нас постоянно на виду и своими деяниями вносил в детдомовский коллектив колоссальный воспитательный заряд.

По словам Фриды Абрамовны Вигдоровой, автора знаменитой трилогии о Калабалиных, «Семён Афанасьевич воспитывал не уговором, не объяснением, а собою, жизнью своей, не скупясь и не оглядываясь. Это хорошо, это и плохо. Надолго ли хватит человека, если он вот так, без оглядки отдаёт себя? Да, но ведь он и берёт — у жизни, у книги, у ребят». Эти слова Вигдоровой — очень понятны не только тем, кто воспитывался у Семёна Афанасьевича в Клемёновском детском доме (да и не только там), но и всем остальным, кому хотя бы один раз в жизни выпал счастливый случай видеть С.А. Калабалина, беседовать с ним, слушать его выступления перед массовой аудиторией...

Антон Семёнович Макаренко в эпилоге «Педагогической поэмы», рассказывая о дальнейшей судьбе героев своей книги, пишет: «Не вышло из Карабанова агронома, его горячее сердце так и не успокоилось после волнений молодости. Кончил он агрономический рабфак, но в институт не перешёл, а сказал мне решительно:

— Хай ему, с тем хлеборобством! Не могу без пацанов буты. Сколько ещё хороших хлопцев дурака валяет на свете, ого! Раз вы, Антон Семёнович, в этом деле поробыли, так и мне не грех.

Так и пошёл Семён Карабанов по пути соцвосовского подвига и не изменил ему до сегодняшнего дня, хотя и выпал Семёну жребий труднее, чем

Д.П. Барсков. Уроки Калабалиных

всякому другому подвижнику. Женился Семён на черниговке, и вырос у них трёхлетний сыночек, такой же, как мать, чёрноглазый, такой же, как батько, жаркий. И этого сына среди бела дня зарезал один из воспитанников Семёна, присланный в его дом «для трудных», больной человек, психопат, уже совершивший раньше подобное преступление. И после этого не дрогнул Семён и не бросил нашего дела, не скулил и не проклинал никого, только написал мне короткое письмо, в котором не столько прочитал, сколько *увидел я стиснутые губы мужественного героя* (текст выделен А.С. Макаренко. — Д.Б.). (А.С. Макаренко. «Педагогическая поэма»/сост., вступ. ст. С. Невская. М.: ИТРК, 2003).

Об этом трагическом событии в жизни Семёна Афанасьевича и Галины Константиновны написано немало слов горячего сочувствия и человеческой поддержки. Трудно себе представить, какой огромной силой воли и неиссякаемый запас любви к детям надо было иметь тогда молодым супругам Калабалиным, чтобы не отчаяться, не оставить трудную (зачастую, неблагодарную) работу и не сойти с избранного пути.

В жизни Калабалиных происходили и другие события, которые становились нам известными от Семёна Афанасьевича — поучительные примеры стойкости, выдержки, мужества и отваги. Особое место в рассказах отводилось периоду, когда Семён Афанасьевич по ложному доносу в январе 1938 года был арестован, более месяца провёл в винницкой тюрьме НКВД с клеймом «враг народа» и чудом избежал расстрела (был самый пик массовых политических репрессий).

Но про тяжелейшие годы Великой Отечественной войны, период жесточайшей схватки с умным и коварным врагом, когда «наш Семен ходил по тонкому льду», мы узнали спустя десятилетия. О своей деятельности в период Великой Отечественной войны Семён Афанасьевич рассказывал нам скупое, лишь отдельные эпизоды он приводил в качестве образных картинок. Эти короткие рассказы глубоко запали в памяти и в настоящее время являются весьма существенными дополнениями к ставшим известными в результате рассекречивания документов сведениям о разведывательной деятельности главного героя «Педагогической поэмы» против «Абвера» — немецкой военной разведки.

Дома у Калабалиных в кабинете Семёна Афанасьевича на стене висела атласная подушечка, на которой были закреплены его боевые награды — орден Отечественной войны II степени, многочисленные медали и почётные знаки. Частые гости, приезжавшие в Клемёново, видели эти награды и непременно интересовались, за какой подвиг Семён Афанасьевич был награждён орденом. Всякий раз он старательно уходил от прямого ответа — говорить и писать об этом в ту пору было запрещено...

Спустя десятилетия с некоторых документов из архивов некогда всемогущего ведомства под наименованием НКВД СССР был снят гриф «секретно». Тогда же в открытой печати появились статьи и книги, посвящённые разведывательной деятельности чекиста С.А. Калабалына.

Уроки мужества разведчика Калабалина

Главной в этой операции стала дезинформация «Абвера» о ложной переброске наших войск в самый разгар битвы за Сталинград. «Бестужев» — Семён сообщал немцам о крупных воинских частях, якобы формируемых в Горьком. Одновременно он информировал о большом количестве воинских эшелонов,двигающихся на Москву. Военное руководство Третьего рейха стало усиливать московское направление и подтягивать туда дополнительные резервы. По документально не подтверждённым пока сведениям агент «Бестужев» (Семён Афанасьевич Калабалин) от имени фюрера был награждён Железным крестом — одной из высших наград нацистской Германии. «Радиообман» гитлеровцев продолжался вплоть до конца лета 1944 года, когда линия фронта вплотную подошла к Варшаве, разведшкола переместилась в Германию и связь прервалась...

За это время «Абвер» был переполнен дезинформацией. Порой бывало совсем непросто — прогнозируемое, но всё-таки неожиданное появление 11 июля 1943 года двух контролирующих немецких агентов — связников «Бирюка» и «Родина» на явочной квартире после двухнедельного наблюдения за её «чистотой». Через несколько месяцев допросов оба вражеских агента предстали перед судом военного трибунала и были приговорены к расстрелу. Были и другие проверки достоверности сведений, передаваемых «Бестужевым»-Семёном. Но горьковские чекисты действовали изобретательно — одновременно ими в Горьком велась аналогичная радиоигра под кодовым названием «Друзья». Два других «немецких агента» передавали в «Абвер» сообщения, полностью дублирующие материалы «Бестужева» — Семёна. В основном они содержали сведения о проходивших через железнодорожный узел эшелонах с грузами и войсками.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1943 года С.А. Калабалин за проявленные мужество и находчивость, за неоценимую помощь действующей армии был награждён орденом Отечественной войны II степени. Высокую награду ему вручили 28 декабря 1943 года. Но война продолжалась, и майор Калабалин продолжал выполнять ответственные задания советской контрразведки не только в радиоигре с «Абвером», но и по активному поиску и обезвреживанию вражеской агентуры, прошедшей подготовку в Варшавской школе и действовавшей в различных городах на советской территории. Это были глубоко законспирированные агенты немецкой разведки, не рассчитывавшие на снисхождение даже в случае добровольной сдачи органам НКВД. Многих из бывших курсантов Варшавской разведшколы агент «Бестужев» — Семён знал в лицо... В одном из своих рассказов Семён Афанасьевич поведал нам о том, что на него было совершено несколько покушений — три раза стреляли в Горьком и один раз в Астрахани. Это свидетельствует о том, что смертельный поединок с «Абвером» продолжился и на нашей территории.

В своей книге «Радиообман высокого полёта» В.И. Андрюхин высказывает совершенно неожиданную версию о том, что С.А. Калабалин был советским разведчиком, которого ещё в 1941 году готовили к внедрению

Д.П. Барсков. Уроки Калабалиных

в германскую разведку в Московском центре чекистов во главе с «товарищем Василием». С автором этой книги нельзя не согласиться.

Во-первых, в плену у немцев С.А. Калабалин не скрывал своей фамилии, звания и биографии, «негативным фактам» которой немцы дали своё толкование. А Семён Афанасьевич, обладая великолепным талантом артистического перевоплощения (вспомним его многочисленные театральные роли в самодеятельных спектаклях в колонии имени Горького), сумел убедить их в искренности своего желания служить «Великой Германии». Поэтому яркая довоенная биография беспризорника и предводителя бандитской шайки, приговорённого к расстрелу ещё в 1920 году, сделала Семёна Карабанова в глазах профессиональных вербовщиков из «Абвера» непримиримым противником большевиков. В этом заключался колоссальный психологический эффект и «запас прочности» для легализации его деятельности у противника — не надо было менять имя, придумывать новую биографию и вживаться в иную роль.

Во-вторых, по многочисленным свидетельствам сдавшихся немецких агентов, Калабалин пользовался у курсантов разведывательной школы, бывших пленных, большим авторитетом в силу своей незаурядной личности и яркой биографии колониста-горьковца, а затем педагога-воспитателя. Он не просто уговаривал их после выброски явиться с повинной, но и подробно инструктировал, как вести себя на допросе, чтобы им поверили в НКВД. Так мог действовать только человек, выполнявший специальное задание, а не просто офицер-десантник, посланный во главе группы с разведывательно-диверсионным заданием в тыл к немцам.

В-третьих, высокая государственная награда «Бестужеву» — Семёну в конце операции в Горьком совершенно невероятно для немецкого агента, добровольно сдавшегося органам НКВД и в дальнейшем выполнявшего роль «двойника». В суровые военные годы бойцам и офицерам Красной Армии, побывавшим в немецком плену, согласно приказу от 10 августа 1941 года за подписью Народного комиссара обороны И.В. Сталина «светил» приговор военного трибунала, а добровольная явка «с повинной» учитывалась лишь в качестве смягчающего обстоятельства. И только. Об этом весьма красноречиво свидетельствует судьба члена разведывательной группы П.Я. Харина. При этом следует особо подчеркнуть, что награду Семёну Афанасьевичу Калабалину вручал один из высших руководителей органов государственной безопасности и Наркомата обороны страны.

Все эти факты неопровержимо свидетельствуют в пользу того, что на самом деле С.А. Калабалин был советским разведчиком, которого Московский разведцентр ещё в июле — августе 1941 года специально подготовил для внедрения в германскую разведку и затем переправил за линию фронта с «двойным» заданием.

Разведывательная эпопея Семёна Афанасьевича была частично рассекречена совсем недавно, попала на страницы различных книг, отражающих деятельность органов государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны. Но главная загадка сохранилась: а какое задание в дей-

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

ствительности выполнял «Бестужев» — Семён? Какие это были поручения? Полностью прочитать все страницы деятельности разведчика Калабалина предстоит ещё не скоро — архивы ФСБ РФ будут хранить свои тайны на протяжении многих десятилетий...

После того как Семён Афанасьевич Калабалин возглавил детский дом в Клемёново и повёл решительную борьбу с негативными явлениями не только в жизни детдома, но и среди сельчан, тотчас по деревне поползли слухи самого невероятного содержания. Мол, Калабалин — бывший бандеровец, скрывшийся от правосудия на Украине. Эти слухи в виде «сообщений бдительных граждан» дошли до Управления КГБ СССР по Егорьевскому району, откуда к новому директору детского дома приезжали сотрудники Комитета государственной безопасности для проверки «изложенных фактов». Само собой разумеется, что после разговора с «товарищем Семёном» грязные домыслы недоброжелателей в одночасье прекратились...

В своём интервью к нашумевшему телевизионному фильму «Учитель с железным крестом» (канал «Россия», 2011 год) Антон Семёнович Калабалин, сын легендарного разведчика, поведал историю о том, как после публикации в журнале «Огонёк» статьи о педагоге-макаренковце Калабалине в адрес Семёна Афанасьевича пришло письмо, поначалу весьма озадачившее Галину Константиновну. В ответ на удивлённые расспросы Семён Афанасьевич ограничился кратким комментарием, что «письмо от однокурсника». Потом он несколько дней отсутствовал, но это не было удивительным, поскольку Семён Афанасьевич довольно часто выезжал на встречи со студентами, педагогами и общественностью в различные города страны. Спустя некоторое время после возвращения он поведал Галине Константиновне о том, что злополучное письмо было от неразоблачённого агента — бывшего курсанта Варшавской школы «Абвера» (такой вот оказался однокурсник!), который по снимкам в «Огоньке» узнал агента «Бестужева» и сделал опрометчивую попытку шантажировать «нашего Семёна» разоблачением. С помощью Семёна Афанасьевича затаившийся враг был обезврежен сотрудниками КГБ. Это был последний отголосок — «эхо прошедшей войны»...